

Феофан Прокопович

(1681–1736)

В русском классицизме, как и в классицизме вообще, подчеркивается роль разума, рациональной системы, воспитания к долгу, к принятию правил, к их соблюдению.

То же самое мы можем наблюдать и в области поэтики, т.е. поисков определенных основ художественного творчества. Важным вопросом оказывается и вопрос о смысле, пользе литературы для общества. Авторы XVIII-го века часто обращаются к античной традиции и к ее выдающимся представителям.

Читая текст, следите за тем, как проявляются в нем выше приведенные тенденции. Найдите определение классицизма как литературного течения – как и чем конкретно проявляются характеристики классицизма в тексте Феофана Прокоповича?

О ПОЭТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ

(отрывки)

КНИГА I

В КОТОРОЙ ИЗЛАГАЮТСЯ ОБЩИЕ ПРАВИЛА, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ОБРАЗОВАНИЮ ПОЭТА

ГЛАВА I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПРЕВОСХОДСТВО и ПОЛЬЗА ПОЭТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Что передают о начале Нила, славной египетской реки, почти то же можно сказать и о происхождении поэзии. Говорят, что Нил скрыл свою главу (как это мы читаем у Овидия; *Метаморфозы*, II), потому что неизвестно, откуда он начинается. Не менее сокрыты от человеческого знания и памяти людей и начатки поэзии, но не потому, что это искусство — самое славное из всех — неприметно, а потому, что оно уводит исследователей его происхождения в такую древность, что всякий предполагаемый творец, оказывается, жил позже него... Уже задолго до потопа и немного спустя после самого начала мира Юбал сын Ламехов назван в Писании зачинателем пения под кифару (*Бытие*, гл. IV). Но необходимо было сперва петь человеческим голосом, как инструментом более близким и естественным, чем кифара. Песни же без стиха, т. е. без известного числа звуков, связанного с напевом, не могло быть. Итак, начало поэзии было древнее, чем сам Юбал, и даже нет никакого сомнения, что она возникла у первого человека при самом сотворении мира. и я полагаю, что ...если рассматривать только Природу, то убедишься, что чувство человеческое, в образе любви, было первым творцом поэзии. Ведь любящие либо охвачены томлением по желанному предмету, либо радостью обладания. и тогда-то и возникает из-за страстного нетерпения стремление к каким-то нежным жалобам. После же достижения желаемого, сейчас же, бурно, не отдавая себе отчета, радуются, ликуют, пляшут и начинают петь, даже неволью. Отсюда, очевидно, и возникла песня; но в обоих случаях (как это ясно при внимательном рассмотрении) душу охватывает некое неистовство, которое и является зародышем поэтического замысла...

Таким образом, поэзия, возникнув в колыбели самой природы, и течение многих веков постепенно, как это бывает, набирала силы... Во-первых, сам предмет,

которым обычно занимается поэзия, придает ей огромную важность и ценность. Поэты сочиняют хвалы великим людям и память о их славных подвигах передают потомству... Затем многие поэты поведали о тайнах природы и о наблюдениях над движением небесных светил...

Столь великому значению поэзии не могут повредить и некоторые срамные стихотворения, сочиненные людьми с большим, но бесстыдным дарованием... При внимательном рассмотрении ты заметишь, что, как и наглom их стихоплетстве нет ничего трудного, так нет и ничего хорошего и даже никакого искусства. Ведь для человека, размягшего от любовного безумия, нет ничего легче как перебирать и в мыслях, и словесно все эти забавные садики, ручейки, цветочки, набеленные щеки, убранные золотом волосы и тому подобные изящные пустяки. Это и грубая чернь, возбужденная оводом похоти, дико распевает повсюду по деревьям и на перекрестках. Но подобный вздор, хотя бы и сочиненный весьма даровитым человеком, следует назвать скорее песенками распутных бабенок или чем угодно другим, но не поэтическим произведением. и я не опасаюсь, что мне поставят здесь на вид некоторых древних писателей, по всеобщему мнению причисленных к поэтам, которые, однако, сочиняли весьма непристойные стихотворения, как например Плавт, Катулл, Овидий, Марциал и другие. Все они ради других своих благопристойных произведений удостоились называться поэтами. Впрочем, я решительно заявляю, что они во многом погрешили против искусства, которому они себя посвятили, поскольку в своих нечистых произведениях оскверняли поэзию и вредили нравственной стороне человеческой жизни. Ведь они поступали против назначения поэзии, а это назначение, согласно Горацию, заключается в том, чтобы или приносить пользу, или услаждать, или обоими этими способами оказывать людям помощь в жизни. и когда Гораций сказал „услаждать”, то, если хочешь понять, что такое истинное услаждение, назови это услаждение здравым, а не заражающим...

Итак, даже по самому своему содержанию поэзия, приобретает большую ценность. Добавь к этому и то, что великий светоч ума человеческого — философия — либо рождена, либо вскормлена поэзией. Ведь те, кто писал о различных философских школах и направлениях, утверждают, что первая и древнейшая философия была поэтической, т. е. что все те истины, которые людям издревле удавалось отыскивать путем философствования, они излагали другим под покровом песен и сказаний...

Все это вполне достаточно доказывает значение поэзии, а еще более значительной делает ее та великая польза, которая обильно проистекает от нее на благо

людей. Из произведений поэтов мы познаем и гражданский, и военный образ жизни... При этом поэты прививают добродетели душе, искореняют пороки и делают людей, раз они избавлены от вожделений, достойными всякого почета и хвалы. и они делают это тем легче и успешнее, что стихи их в силу наслаждения, порождаемого размером и стройностью, охотнее слушаются, с большим удовольствием прочитываются, легче заучиваются, глубоко западая в души.

Еще более удивительно то, что даже сатиры их и нападки, т. е. более резкий и горький род лекарства, окутанные вымыслом и стихом, словно медом и нектаром, становятся приемлемыми. Цицерон полагал даже, что поэзия помогает самой риторике, и утверждал невозможность совершенного красноречия без знакомства с поэзией...

ГЛАВА II
НЕОБХОДИМОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА.
ЗАМЕЧАНИЕ О НАЗВАНИИ.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИРОДЫ, ПРЕДМЕТ и НАЗНАЧЕНИЕ ПОЭЗИИ

I. Необходимость поэтического искусства

Говоря о происхождении нашей способности, мы возвели ее к первоначалам самой природы, которые древнее всякого искусства. По старинному взгляду, некое божественное и небесное вдохновение побуждает поэтов писать стихи, и обычно принято даже говорить, что поэтом надо родиться, оратором же можно стать. Тем не менее, и в этом искусстве весьма необходимы определенные правила и наставления. Мало того, даже следует сказать, что и этот пресловутый, как говорят, небесный порыв, который одни прозвали восторженностью, а другие энтузиазмом, без помощи наставников окажется, если верить Горацию, бесполезным (О поэтическом искусстве, 409):

Я не вижу, к чему бы

Наше учение было без дара и дар без науки?

Гений природный с наукой должны быть в согласьи взаимном.

И то, что Гермоген в своих книгах по риторике говорит об ораторе, я решительно утверждаю относительно поэта: именно, скорее может делать ошибки человек одаренный, но неискусный, чем менее одаренный, по проникшийся правилами

искусства. Поэтому многие люди, по-видимому, слишком полагаются на дарование и, словно необъезженные кони, сбросив узду искусства, несутся, охваченные скорее безумием, чем этим пресловутым священным и ученым вдохновением. Мы учимся на их примере: искусство, утвержденное определенными правилами и наставлениями, не только полезно поэту, но прежде всего необходимо.

II. Замечание о названии

Далее, слово поэт, поэма и поэзия произведено от греческого слова „poiein“, что означает „творить“ или „сочинять“, отсюда и поэта, если бы это было в обычае, правильно можно было бы называть „творцом“, „сочинителем“ или „подражателем“. Ведь выдумывать или изображать — означает подражать той вещи, снимок или подобие которой изображается. Отсюда и образ именуется изображением. А то, что лишь одна эта область искусства называется поэзией, хотя по своему значению это название подходит и прочим искусствам, получилось путем антономасии, именно, по причине выдающейся способности творческого воображения у поэтов...

III. Определение природы поэзии

Природа поэзии соответствует ее имени. Ведь поэзия есть искусство изображать человеческие действия и художественно изъяснять их для назидания в жизни. Из этого определения видно, что поэзия совершенно отлична от истории и от диалогизмов филологов (с которыми у нее есть нечто общее). История ведь просто повествует о подвигах и не воспроизводит их посредством изображения. Диалогисты же воспроизводят и изображают, но делают это не стихами, а в прозаической речи. Поэт же, имя которому „творец“ и „сочинитель“, должен слагать стихи, придумывать содержание, т. е. воспевать вымышленное.

IV. Предмет

Из этого объяснения природы поэзии можно легко узнать, в чем состоит предмет, которым она занимается. Хотя Цицерон (Об ораторе, I) отмечает, что к области поэзии принадлежит все то, о чем можно писать стихи, т. о. все то же самое, что служит предметом и ораторского искусства, том не менее, точнее рассматривая природу поэзии, мы говорим, что ее основной предмет приспособлен собственно к изображению людских действий посредством стихотворной речи.

V. Назначение поэзии

Гораций в знаменитом стихе из книги „О поэтическом искусстве“ приписывает поэзии двойное назначение—услаждение и пользу.

Или полезными быть, иль пленять желают поэты.

То и другое назначение, если их брать отдельно, несовершенно. Ведь стихотворение, которое услаждает, но не приносит пользы, является пустым и подобно ребячьей погремушке. То же, которое стремится быть полезным без услаждения, едва ли будет полезным. Ибо мы приступаем к чтению поэтов, увлеченные прелестью и изяществом стиля: в поисках удовольствия мы вместе с тем находим и пользу...

Поэтому и поэт возьмет для разработки то, что может принести пользу в человеческой жизни, и будет стараться таким способом вести изложение, чтобы доставить читателю наслаждение.

ГЛАВА III

ДВА НЕОБХОДИМЫХ УСЛОВИЯ, СОЗДАЮЩИЕ ПОЭТА (ЕСЛИ НЕТ ТОГО ИЛИ ДРУГОГО, ТО НАИБОЛЕЕ АВТОРИТЕТНЫЕ ПИСАТЕЛИ НИКОГО НЕ ДОПУСКАЮТ ПРИЧИСЛЯТЬ К ЧИСЛУ ПОЭТОВ): ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЫМЫСЕЛ, ИЛИ ПОДРАЖАНИЕ, и РИТМ РЕЧИ, ОСНОВАННЫЙ НА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ПРАВИЛАХ, ИЛИ СТИХОТВОРНОЕ МАСТЕРСТВО

I. Поэтический вымысел

Первое, что преимущественно требуется во всяком поэтическом произведении, это — вымысел, или подражание, если его нет, то сколько бы ни сочинять стихов, все они останутся не чем иным, как только стихами, и именовать их поэзией будет, конечно, несправедливо. Или если захочешь назвать поэзией, то назовешь ее мертвой. Ведь подражание является душой поэзии, как это ясно из определения. На этом основании Аристотель, сравнивая Гомера (который с подходящим вымыслом описал битвы и скитания Улисса) с Эмпедоклом, который и стихах написал книги о природе, так высказался о них: у Гомера нет ничего общего с Эмпедоклом, кроме стихотворного размера, поэтому первого справедливо называть поэтом, последнего же — физиологом, а не поэтом. и далее Аристотель говорит: если сочинения Геродота переложить стихами, то получится как и прежде, история, а не поэма. Философ этими словами хотел опровергнуть заблуждение многих

людей, которые полагают, что одной лишь способности слагать стихи достаточно для того, чтобы быть поэтом. Ведь история, подчиненная закону описывать подлинные события и то, как они совершались, лишена вольности измышлять правдоподобное. Поэтому, даже написанная стихами, она останется историей, а не поэмой. Под поэтическим же вымыслом, или подражанием, следует понимать не только сплетение фабул, но и все те приемы описания, которыми человеческие действия, хотя бы и подлинные, изображаются, однако, правдоподобно. По этой причине не следует исключать из числа поэтов Лукана (ведь, по свидетельству Скалигера, некоторые не считали Лукана поэтом за то, что он изображал действительные события) ...

II. Искусство стихотворное

Второе, что обязательно должно содержать всякое поэтическое произведение, — это мастерство стихотворного размера, или ритм речи, по определенному правилу, без чего также нельзя называться поэтом. Эзопу, Лукиану, Апулею, даже самому Цицерону в его диалогах и многим другим не хватает только одного, чтобы носить название поэтов, а именно — стихотворной формы. Ведь все, кто излагают свои чувствования в диалогизмах, явно пользуются поэтическим подражанием, так как они рисуют беседующих между собой лиц, изображая их разнообразные душевные и телесные движения, однако, раз они излагают все это в прозе, а не стихами, их не зовут поэтами... Ведь стихотворная форма есть как бы повозка или триумфальная колесница, на которой это многообразное изображение предметов — подражание, говорю я, или поэтический вымысел — несется ввысь и повсюду встречает все большее одобрение...

КНИГА II ОБ ЭПИЧЕСКОЙ И ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

ГЛАВА IV

у поэта с историком я не усматриваю ни в чем сходства, кроме того только, что тот и другой – повествователи. Ведь если историк иной раз употребит – не знаю как – поэтическое выражение, то это бывает редко, и этого еще мало, чтобы говорить о подлинном сродстве... Здесь я отмечу некоторые различия в обоих повествованиях.

- 1) Поэт отличается от историка самым родом речи, так как один пользуется стихотворной речью, а другой — прозаической, хотя и это различие, по мнению Аристотеля, не является слишком большим. Аристотель утверждает, что если передать стихами историю Геродота, то все же это будет история, а не поэма.

- 2) Поскольку у исторического повествования преимущественно три достоинства: краткость, ясность и правдоподобие – поэт должен соблюдать два последних, не заботясь о краткости. Мало того, он намеренно подробно распространяется там, где историк может говорить и немногих словах, за исключением более кратких повествований, которые составляют незначительную часть в поэме. Однако и здесь поэт пространнее и более подробен, чем историк.

- 3) Историк следует естественному порядку вещей и излагает сперва то, что совершалось раньше, а затем то, что случилось позже. Напротив, поэт располагает свое произведение в художественном порядке, и ему позволено начинать с конца и заканчивать началом или же ставить конец в середине, середину в начале, а начало в конце...

- 4) Стиль и украшения поэтического повествования делают его совершенно отличным от истории. Ведь поэтам предоставлена величайшая свобода отыскивать всякого рода украшения, лишь бы только они не были напыщенными и не вредили красоте. А историческое и ораторское повествование хотя и должно быть гладким, но без всяких прикрас; причем ораторское повествование более нарядно, историческое же менее отделано. Так что историк должен быть чрезвычайно осмотрителен и скуп в выборе

слов, оратор — смелее и пышнее, поэт вполне свободен и щедр. Чтобы нагляднее представить это, считай, что историческое повествование подобно какой-нибудь престарелой матроне, ораторское — царице, а поэтическое выступает, словно новобрачная, прикрашенная всякого рода изыществами. Поэтому историк сказал бы о человеке разгневанном: „он воспламенился гневом“; оратор мог бы сказать: „из-за неистовой ярости гнева, казалось, он пылал огнем“. Но только поэту пристало выразиться так:

Гнев пламенеет и скорбь в костях разгорается твердых...

- 5) Главная же разница между поэтом и историком, по наблюдению Аристотеля, заключается в том, что историк рассказывает о действительном событии, как оно произошло; у поэта же или все повествование вымышлено, или, если он даже описывает истинное событие, то рассказывает о нем не так, как оно происходило в действительности, но так, как оно могло или должно было произойти. Это все достигается благодаря вымыслу или воспроизведению, которые пора уже нам вкратце разобрать.

...

Русская литература XVIII века, 1700–1775: Хрестоматия.

Сост. В.А. Западов. – Москва 1979.

http://az.lib.ru/p/prokopowich_f/text_0040.shtml

К СОЧИНИТЕЛЮ САТИР

(Кантемиру)

I

Не знаю, кто ты, пророче рогатый;
 Знаю, коликой достоин ты славы;
 Да почто ж было имя укрывати?
 Знать, тебе страшны сильных глупцов нравы.
 Плюнь на их грозы, ты блажен трикраты.
 Благо, что дал бог ум тебе, столь здравый.
 Пусть весь мир будет на тебя гневливый,
 Ты и без счастья довольно счастливый.

II

Объемлет тебя Аполлин великий,
 Любит всяк, кто есть таинств его зритель;
 О тебе поют парнасские лики,
 Всем честным сладка твоя добродетель
 И будет сладка в будущие веки;
 А я и ныне сущий твой любитель;
 Но сие за верх твоей славы буди,
 Что тебе злые ненавидят люди.

III

А ты как начал течи путь преславный,
 Коим книжные текли исполины,
 И пером смелым мещи порок явный
 На нелюбящих ученой дружины,
 И разрушай всяк обычай злонравный,
 Желая в людях доброй перемены.
 Кой плод учений не един искусит,
 А дураков злость язык свой прикусит.